Н.К. СОЛОВЬЕВ

*Доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой «История и теория декоративного искусства и дизайна» МГХПА им. С.Г. Строганова*
*e-mail: nikirsol@mail.ru*

N.K. SOLOVYOV

*Doctor of art history, professor, head. department of history and theory of decorative art and design of the Stroganov Academy (MGHPA)*
*e-mail: nikirsol@mail.ru*

# Н.В. ВОРОНОВ И СТРОГАНОВСКАЯ АКАДЕМИЯ

# N.V. VORONOV AND THE STROGANOV ACADEMY

Автор приводит биографию Н.В.Воронова, искусствоведа и педагога, профессора кафедры «История и теория декоративного искусства и дизайна» МГХПА им С.Г.Строганова.

The author speaks about the biography of N.V.Voronov professor of the department of History and theory of decorative art and design of the Stroganov Academy (MGHPA).

**Ключевые слова:** Н.В.Воронов, МГХПА им. С.Г.Строганова, жизнь и судьба искусствоведа
**Keywords:** Nikita Voronov, Stroganov Academy, life and fate of an art-critic

В 1960-е, 1970-е и 1980-е годы для студентов Строгановки самым востребованным периодическим изданием был журнал «Декоративное искусство СССР», в котором, несмотря на иногда «идеологические выверенные в соответствии со временем» названия статей, публиковался актуальный, лишенный жестких идеологических табу материал по широкому кругу изобразительного, монументально-декоративного искусства, архитектуры и дизайна.

Будучи студентом Строгановки в 1960-е годы и ежегодно выписывая этот журнал, я, первым делом, обращал внимание не только на

тематику, но и на список авторов публикуемых статей, среди которых Никита Васильевич Воронов был одним из самых популярных, писавший на самые актуальные темы различных областей искусства доступным, научно выверенным и никогда не наукообразным языком.

В Д/И СССР № 325 за 1985 год были опубликованы «Солдатские мемуары», посвященные 40-летию Великой Победы. В этих мемуарах старшина, а впоследствии доктор искусствоведения, профессор Никита Воронов описывал то, как он посвятил всю свою жизнь изучению истории искусства. Во-первых, это было династийно и закономерно. «С детства дома воспитывалась особое уважение к вещам. Отец и мать были музейными работниками и имели дело с вещевым материалом — музеи тогда пополнялись довольно активно, папа ездил почти каждое лето в экспедиции, любовно поглаживал привезенные из северных деревень прялки, и из этих его сборов вырос позже отдел крестьянского искусства в ГИМ. Он и меня приучил хранить старые вещи, собирать коллекции: марок, спичечных этикеток, папиросных коробок, карандашей различных марок... И вот с таким безраздельно впитавшимся и сознательным уважением к вещи как к созидательной деятельности человека, особенно связанной с искусством, я в июле 1941 года попал на трудовой фронт... Потом, находясь уже в действующей армии, пройдя от Сталинграда до Харькова, я, конечно, видел гораздо больше разрушенных домов, мостов, дорог, фабрик... Возникло уже иное отношение к вещам: как настоящие фронтовики, мы презирали тех, кто старался набить свой "сидор" или противогазовую сумку "барахлом" — трофейными часами, фотоаппаратом, теплым "егерским" немецким бельем и т.д. — ибо часто их первых находила пуля. Но помню, как-то раз, в полуразрушенном особняке, я увидел прекрасные бронзовые кабинетные часы с фигурой Фаэтона, наверное, конца XVIII — начала XIX века. Безнадежно испорченные — кто-то, вероятно, тренировался в стрельбе, используя циферблат как мишень и разрядил в него свой "парабеллум" или "шмайссер". Я представлял себе, как когда-то, столетие назад трудился мастер, вытачивая колесики или шлифуя стрелки... Бесцельная жестокость по отношению к вещам, плодам людского труда, была также омерзительна, как и жестокость к самим людям.

Уже тогда у меня созрела уверенность, что если уцелею, то тогда обязательно стану созидателем каких-либо материальных ценностей — строителем, архитектором, художником. К сожалению, ранение в руку, приведшее к тому, что мне даже заново пришлось учиться писать, заставило поза-

быть о черчении и рисовании и пойти в гуманитарный вуз. Но то, что я стал в конце концов искусствоведом в области прикладного искусства, дизайна и скульптуры — представляется мне сегодня не только результатом генной предопределенности и домашнего воспитания, но и реакции на те страшные разрушения, которые так потрясли меня в первые же военные месяцы».

Нашей кафедре «История и теория декоративного искусства и дизайна» Строгановки, повезло, что Никита Васильевич Воронов был у истоков ее создания, читая замечательные лекции, воспринимался коллегами и студентами как Гуру, ученый, член Диссертационного совета Строгановки, выдающийся педагог, харизматичный, внимательный и доброжелательный человек, которого все уважали и любили. Четвертые Вороновские чтения являются не только памятью выдающегося отечественного ученого, но и продолжением научно-исследовательской работы его коллег и учеников.